

предметных деталей, а это в свою очередь идет от особенностей содержания его творчества.

Но запоминается в книге главное — то, что ученый добивается своей основной цели: мы ощущаем, видим, как в образной ткани произведения бьется и пульсирует живая мысль писателя. И об этом А. Чиче-

рин пишет точно, легко, энергичным и ясным стилем, давая пример соединения научности и простого, хорошего слога. Книга полемична, она написана увлеченным человеком, в ней чувствуется большая любовь к литературе, настоящее знание ее.

В. КУРИЛОВ

КАК ПЕРЕИЗДАВАТЬ НАУЧНЫЕ РАБОТЫ*

Книга Ю. Тынянова «Проблема стихотворного языка» принадлежит к числу фундаментальных работ по теоретической поэтике. Некоторые идеи, выдвинутые в этой работе (например, *единство и теснота стихового ряда*), прочно вошли в научный обиход, другие вызвали плодотворные обсуждения и, во всяком случае, способствовали решению ряда вопросов (например, *семантическая роль рифмы*), третьим еще предстоит обратить на себя внимание исследователей. К ним, в частности, относится остро поставленная Ю. Тыняновым проблема *стихотворной графики* или гипотеза о *моторно-энергетической основе ритма*.

Но главное значение работы Ю. Тынянова, — это в свое время отмечал Б. Томашевский¹, — состоит в том, «что она открывает, объединяя научные проблемы под новым углом зрения, новую область изучений, может быть, является преддверием новой научной дисциплины, которой предстоит связать до сих пор автономные главы поэтики — метрику, стилистику и тематику».

* Ю. Тынянов, Проблема стихотворного языка. Статьи, «Советский писатель», М. 1965, 304 стр.

¹ См. его рецензию на «Проблему стихотворного языка» в журн. «Русский современник», 1924, № 3, стр. 265—268.

Впервые в поэтике с такой отчетливостью был поставлен вопрос о «*смысле стихового слова*». Сейчас мы, кажется, вплотную приблизились к его изучению.

Работа Ю. Тынянова, конечно, не дает окончательного решения проблемы стихотворного языка, но большой материал, в ней собранный, серьезность и острота постановки центральных вопросов теоретической поэтики придают ей значение, которое трудно переоценить.

Кроме того, нельзя не сказать об одной особенности, отличающей все вообще работы Ю. Тынянова и делающей их интересными не только для специалистов, — это поразительные по свежести и глубине наблюдения над «стихией русского стиха».

Поэтому все, кто заинтересован кругом вопросов, затронутых в «Проблеме стихотворного языка», не могут не быть признательны редакции и автору предисловия Н. Степанову, предпринявшим переиздание этой книги.

Однако осуществление настоящего издания вызывает ряд возражений.

Прежде всего это касается состава сборника, включающего, кроме «Проблемы стихотворного языка», четыре статьи Ю. Тынянова, «примыкающие, — как сказано в предисло-

вии,— к его книге как по кругу ставящихся в них вопросов, так и по времени написания» (стр. 11).

Одна из них («Словарь Ленина-полемиста») — строго научного характера, имеющая, кстати, косвенное отношение к вопросам стихотворного языка; три другие («Блок», «Валерий Брюсов», «О Хлебникове») — близкие по жанру к литературному эссе и претендующие скорее на точность ощущения и углубленность в предмет, чем на строгость разработки и обязательность выводов. Все четыре статьи, как известно, входили в сборник Ю. Тынянова «Архаисты и новаторы» (1929), куда «Проблема стихотворного языка» не включалась по причине вполне понятной: «Архаисты и новаторы» были призваны представить не столько важнейшие работы автора, сколько его историко-литературную концепцию (один из современников даже предлагал назвать книгу «Архаисты — новаторы»). Поэтому в составе рецензируемого сборника нельзя не заметить противоречий. Помимо того, что «время написания» работ никак не может служить достаточным аргументом для соединения их в один сборник, отметим, что если редакция хотела представить Тынянова-теоретика и Тынянова-критика, «озабоченного судьбами литературы» (стр. 3), то не ясно, почему в книгу не включена его статья «Промежуток», содержащая проницательнейшие характеристики таких поэтов, как Есенин, Маяковский, Тихонов, Мандельштам, Пастернак и другие, в один из интереснейших моментов развития советской поэзии. Если же редакция хотела дать работы, объединенные одним «кругом вопросов», то почему в сборник не вошли статьи «Стиховая форма Некрасова» и «Ода как ораторский жанр», имеющие непосредственное

отношение к проблеме стихотворного языка?

Во всяком случае, любой состав сборника должен был быть специально обоснован.

Все издание вообще отличается крайней непоследовательностью. Для чего, например, нужно, сообщив на стр. 197, что далее «подстрочные примечания — авторские», сноску на стр. 211 снабжать указанием: «Прим. авт.»? Редакторская работа, кажется, ограничивалась исключительно переводом иноязычных текстов и терминов (весьма, правда, многочисленных). Но и она выглядит странно. Считается нужным разъяснить читателю, что такое «*sui generis*» или «гомогенный», а «паратаксис» или «*Stärkeabstufungen*» оставлены необъясненными. «*Vers libre*» и «*vers irrégulier*», постоянно встречающиеся в работе, также не переведены. Видимо, редакции показалось достаточным разъяснение, имеющееся в предисловии, что «*vers libre*» — «свободный, белый стих» (стр. 8, курсив мой.— Р. Д.). Но общеизвестно, что свободный стих и белый стих принадлежат к разным системам.

Транскрипции названий и имен совершенно не унифицированы. Все ссылки даны по старым изданиям, почти недоступным, в особенности иностранных авторов, хотя существуют современные издания, существуют русские переводы (например, «Принципов истории языка» Г. Пауля, на которого постоянно ссылается Ю. Тынянов).

Даже явные ошибки автора сохранены в неприкосновенности. Так, например, остались неисправленными значительные искажения текста известного стихотворения Хлебникова «Заклятие смехом» (стр. 152)¹.

¹ См.: «Собрание произведений Велимира Хлебникова», т. II, Изд. писателей в Ленинграде, 1930, стр. 35.

Таким образом, сорок лет спустя мы получили издание, в сущности, стереотипное,— пиетизм неоправданный. Всякое научное сочинение, в отличие от художественного, эстетически единственного и окончательного, всегда есть некое приближение; окончательных решений наука не знает. Поэтому, не отрицая, конечно, возможности эстетического переживания книги Ю. Тынянова, надо все-таки признать, что важна она не для любования, а для работы и, стало быть, требует комментирования на соответствующем уровне.

Б. Томашевский (в цитированной рецензии) упрекал Ю. Тынянова в «темноте и трудности изложения», язвительно замечая, что Ю. Тынянова «как будто пленяет сложная немецкая терминология, сложная система цитат из немецких авторов». Правда, Ю. Тынянов, признавая, что его язык иногда действительно тяжеловат и неясен, утверждал, что «язык не только передает понятия, но и является ходом их конструирования»¹. Тем не менее редакция должна была сделать все, чтобы, снабдив книгу продуманным справочным аппаратом, максимально приблизить ее к современному читателю.

Не говоря о «германском материале», которым действительно перегружена книга, многое и в советской, современной Ю. Тынянову науке выглядит для сегодняшнего читателя «экзотически». Постоянные ссылки автора на Шкловского, Эйхенбаума, Якубинского, Томашевского, Якобсона, Брику, Бернштейна и других должны быть расшифрованы. То, что для Тынянова было почти бытом, для нас уже история, притом малоизученная. Читателю, например, немаловажно было бы знать, что статья

«Словарь Ленина-полемиста» впервые появилась в журнале «Лев»¹, где были напечатаны еще пять статей крупных ученых о языке В. И. Ленина, которые и положили начало серьезному изучению ленинского наследия в этом аспекте.

Однако, в конце концов, в сборнике есть предисловие, которое могло бы ввести читателя в круг стиховедческих проблем, разъяснить наиболее сложные положения и т. д. Но, к сожалению, оно не решает этой задачи.

Даже пересказывая работу Ю. Тынянова, автор предисловия вносит досадные неточности в совершенно ясные вопросы: «По-своему ставит Ю. Тынянов вопрос о звуковой природе стиха — не как о его «инструментовке», а как о музыкальной, фонической окраске, о сочетании фонических моментов с метрическим импульсом, с характером рифмы, соотношением звукового фактора и ритмическим построением стиха» (стр. 8). А вот что говорит по этому поводу Ю. Тынянов: «Понятие «инструментовки», самый термин несколько неясен: он уже содержит предпосылку о музыкальном характере явления, дела не исчерпывающем. Затем под инструментовкой можно понимать общую звуковую последовательность, общую фоническую окраску стиха.

«Инструментовкой» же называют выделяющиеся на общем произносительном (и акустическом) фоне группы — *повторы* (Брика). Мне кажется единственно правомерным последний подход» (стр. 146).

Еще более удивительные вещи мы встречаем на стр. 6, где говорится о наблюдениях Ю. Тынянова над «эквивалентами» пропущенных строф — «звуковыми жестами».

¹ Ю. Тынянов, Арханглы и новаторы, «Прибой», Л. 1929, стр. 4.

¹ См.: «Лев», 1924, № 1(5).

Что же это за фантастические «звуковые жесты», являющиеся «эквивалентами» пропущенных строк?

О явлении «звуковой метафоры», одним из видов которой является «звуковой жест», Ю. Тынянов говорит во второй главе, иллюстрируя это примером из Пушкина:

И в суму его пустую
Суют грамоту другую.
(стр. 150)

Об эквивалентах текста Ю. Тынянов говорит в первой главе: «Эквивалентом поэтического текста я называю все так или иначе заменяющие его внесловесные элементы, прежде всего частичные пропуски его, затем частичную замену элементами графическими и т. д.» (стр. 43). Причем специально подчеркивает, что «эквивалент акустически непередается» (стр. 47).

Как можно отождествить столь различные явления — совершенно необъяснимо. Недоумение читателя выразит разве только *беззвучный жест*.

Работа Ю. Тынянова — образец научного исследования. Ее переиздание — образец случайного, любитель-

ского подхода к делу. И этот негативный опыт должен быть учтен. Предстоит переиздание еще многих старых работ, имеющих первостепенное значение.

Нужно ли говорить, что все издания должны быть критическими, что они требуют филологической работы, может быть, специальных исследований.

Сейчас издательством «Наука» готовится сборник статей Ю. Тынянова «Пушкин и его современники». У Ю. Тынянова (как сообщил мне Н. И. Харджиев) был экземпляр «Архаистов и новаторов» с большим количеством вписанных или вклеенных изменений, дополнений и комментариев, сделанных в течение многих лет после выхода книги. Сохранился ли этот экземпляр? Будет ли он использован при переиздании статей из этого сборника?

Так или иначе общий вопрос о повышении культуры такого рода переизданий должен сейчас привлечь серьезное внимание научных кругов.

Р. ДУГАНОВ

РЕВОЛЮЦИОННАЯ САТИРА РАДИЩЕВА *

Русский классицизм уже с первых шагов заявил о себе остро сатирической направленностью. «Сатирическое направление, со времен Кантемира, сделалось живою струей всей русской литературы», — писал Белинский. Историкам литературы, да и теоретикам, еще предстоит выяснить эту приверженность классицизма к сатире, разобраться, какие стороны его как литературного направ-

ления способствовали широкому распространению сатирических жанров.

В том, что нормативность эстетической теории классицизма, ее антииндивидуальность сковывали развитие лирики (даже любовная лирика становилась выражением только общего), едва ли можно сомневаться. Но, с другой стороны, принципы типизации, характерные для этой нормативной эстетики, при всей своей исторической ограниченности оказались весьма «удобными» для сати-

* А. Татаринцев, Сатирическое воззвание к возмущению, Изд. Саратовского университета, 1965, 92 стр.